

И.Н. Грифцова
ЛОГИКА КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА
В РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ЛОГИКИ 18 ВЕКА¹

В данной статье предлагается реконструкция понимания логики, представленного в российских учебниках логики 18 века, с целью выявления сложившегося в этот период образа логики и соответственно построенной на его базе образовательной практики. Этот образ логики, в конечном счете, транслируется в культуру общества, создавая основу для распространения рациональности мышления и основанного на нем действия.

The article offers a reconstruction of the understanding of logic, presented in Russian textbooks of the 18th century. This reconstruction aims at the determination of the image of logic formed in this period and, correspondingly, the education practice built on its basis. This image of logic, finally, is translated into the culture of the society, which forms the basis for the dissemination of the rationality of thinking and actions founded on it.

Ключевые слова: *логика, образ логики, учебник логики, рациональность мышления, культура общества.*

Keywords: *logic, image of logic, logic textbook, rationality of thinking, culture of society.*

Понятие "образ логики" было введено мною в [6]. Оно и сегодня представляется мне при всей его простоте и очевидности достаточно эффективным для рассмотрения места и роли логики в истории философии, культуры, повседневности, а также для проведения историко-логических исследований.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Роль логики в становлении рационального мышления в России», проект № 09-03-00614а.

Составляющие образ логики компоненты включают в себя самые разные представления: о природе логического знания, о его связи с языком и мышлением, об общефилософских установках, о приложениях в науке, о влиянии на уровень рациональности в обществе и т.п. В работах В.С. Поповой предлагается конкретизация данного понятия для анализа целостных логических концепций отдельных авторов в виде понятия «авторский образ логики» [10]. Введение понятия "образ логики" представляется мне оправданным по ряду причин. Во-первых, логика всегда была и остается особой наукой, определить свое отношение к которой так или иначе считали своим долгом другие науки и философия (как известно, на этот счет существовали и существуют самые разные позиции - от объявления логики пропедевтикой ко всем наукам, органом науки, "ключем к метафизике" (Б. Рассел) до выступлений против господства логики в метафизике (М. Хайдеггер) и даже полного отрицания ее значения.

Во-вторых, достаточно часто можно столкнуться с расхождением, а зачастую даже полным несовпадением оценки роли логики самими логиками и представителями других научных сообществ, особенно гуманитарных (см., например [17]). При этом нередко «ответственность» за непонимание роли логики несут сами логики, не утруждая себя рефлексией по поводу собственного предмета, границ приложимости своих методов, возможностей учета и использования результатов, полученных в других областях знания, своих функций в обществе. "Логика страдает из-за самоизоляции логиков. Многие важные вопросы логики и их взаимосвязи с естественным языком остаются вне поля зрения логиков главным образом потому, что последние общаются преимущественно друг с другом" [9, с. 198].

В-третьих, можно говорить и о разрыве в оценках роли логики между представителями научного сообщества и остальной частью общества. То или иное отношение к логике в обществе, естественно, будет неоднородным (различаться по группам) и будет определяться самыми разными факторами, такими, как социальные, культурные, религиозные различия, ценностные установки, принятая в обществе система образования и так далее (все перечисленные факторы взаимосвязаны). В России случалось, как известно, и такое, что философию и логику объявляли "страшным чудовищем, спокойно подрывающим у нас алтари и

трон" (из доноса М.Л. Магницкого 1823 года на учебник "Начальные основания логики" (1821 г.) И.И. Давыдова в Министерство духовных дел и народного просвещения [14, с. 227]) . Даже в среде юристов, где логика традиционно считается "своей" дисциплиной, можно обнаружить самые разные оценки ее роли. Определенное влияние на отношение к логике в обществе оказывают и искусство, литература, средства массовой информации.

Предложенный подход предполагает выделение (по самым разным основаниям) и анализ различных образов логики, рассмотрение их влияния как на реальное бытие логики в культуре, жизни общества, так и на формирование образов логики прошлого. Данный подход предполагает также осознание того факта, что наряду со сменой различных образов логики возможно и их сосуществование в один и тот же исторический период.

Наконец, представляется важным понимать, что точно так же, как тот или иной образ науки нередко отождествляют с самой наукой, определенный образ логики может отождествляться с самой логикой.

И еще одно предварительное замечание. Как уже отмечалось, целью статьи является анализ логических текстов, представленных в учебниках. Достаточно распространено мнение, что учебники по своему жанру в принципе не могут содержать нового знания, а периоды, когда наука преимущественно представлена только в учебниках, следует считать периодами ее упадка. Именно такая позиция представлена, например, в двух известных монографиях по истории логики (см. [15], [16]), согласно которой период с 1450 по 1850 годы в развитии формальной логики в целом является периодом упадка. Среди аргументов, приводимых в пользу этого утверждения, я отмечу лишь один: будучи частью средневековой схоластической традиции, логика подвергалась нападкам вместе с нею. Поэтому логика выживала лишь в самой элементарной форме, а именно, в учебных программах университетов, учебниках, представлявших собою лишь изложение и комментарии к более ранним логическим работам.

Но данный аргумент вряд ли может быть принят в качестве доказательства упадка логики, поскольку, как известно, во-первых, многие авторы впервые излагали свои новые взгляды именно в учебниках (классическим примером может служить Логика Пор-Рояля), нередко - только в учебниках, во-вторых, жанр

учебника сам по себе нередко способствует уточнению уже имеющихся и появлению новых идей при попытке изложить материал в систематической и доступной форме (как известно, в творчестве Канта особую роль сыграли именно его курсы логики, размышления не только над их содержанием, но и над формой подачи).

Рассматриваемый здесь период а развитии логики в России крайне интересен с точки зрения исследования тех возможностей, которые создавались для развития логического образования и тех причин, по которым они не были реализованы. В некотором смысле XVIII век может быть назван «веком логическим». Назвать какой-либо период в истории России “логическим”, на первый взгляд, может показаться абсурдным. Кажется, стала общим местом чаадаевская оценка российской “способности к логике”: “всем нам не хватает какой-то устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. Силлогизм Запада нам чужд” [13, с. 23.].

Обращение к логике в России периода XVIII века - это, в первую очередь, обращение к Христиану Вольфу, которого, перефразируя гегелевскую оценку роли Вольфа в философском образовании немцев, можно в определенной степени назвать “родоначальником логического образования русских”. Именно его система логики, его трактовка логики были положены в основу всех первых учебников по логике в России XVIII века [3,8, 11 и др.] и задали определенный образ логики, который, в свою очередь, определил базовые компоненты образов логики, сложившихся в XIX веке.

Известны два основных логических сочинения Христиана Вольфа: “*Vernunfftige Gedanken von den Kraften des menschlichen Verstandes*”(1710) и “*Philosophia rationalis sive Logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata*” (1728). Первое, называемое также “немецкой логикой”, было переведено на русский язык с названием “Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной” в 1753 году [5]. В 1760 году был переведен с латинского и учебник по логике Христиана Баумейстера [3], в логике ученика Вольфа.

Я буду здесь рассматривать, главным образом, ”немецкую логику”, с учётом анализа “латинской”, достаточно скрупулёзно проведённого М.И. Владиславлевым

[4]. Сразу же необходимо сказать, что логику Хр. Вольфа можно поставить в один ряд со знаменитой “Логикой Пор-Рояля”, авторы которой А. Арно и П. Николь предложили новую концепцию логики, трактуя её как органон в широком смысле слова, как науку, развивающую данную нам способность суждения и используемую не только во всех других науках, но и повседневной жизни: “Правильность суждений - на удивление редкое свойство. ... Неправильность ума порождает не только те заблуждения, которые проникают в науку. Она является причиной большей части ошибок, совершаемых нами в повседневной жизни. ... Уберечь себя от этих отклонений мы сможем лишь тогда, когда будем обращать внимание на свои суждения и мысли” [2, с. 8 - 9]. Аналогичный подход мы видим и у Вольфа, достаточно привести названия хотя бы нескольких глав его “немецкой логики” [5, с. 16]:

Глава VIII. О науке, вере, мнениях и заблуждениях

Глава X. Как о писании рассуждать должно

Глава XI. Как книги с истинною пользою читать должно

Глава XII. О изъяснении разумно писанного, а особливо Святого

Писания

Глава XV. Как диспутировать должно

Изложению собственно логики в обоих сочинениях Вольфа предшествует обоснование необходимости её существования и изучения. Следуя установкам эпохи Прсвещения, согласно которым все люди от природы наделены разумом, более того, «может тот ... тем больше человеком назван быть, чем больше он силы своего разума употреблять знает» [1, с. 3], Вольф различает естественную логику, *Logica Naturalis*, связанную с присущей человеку способностью познавать истину и наличием некоторых правил её употребления, которые при частых упражнениях переходят в навык («Сии разуму от Бога предписаны регулы и натуральная способность по оным поступать делает натуральную логику» [5, с. 266]), и логику искусственную, или приобретённую в результате специального изучения того, как следует мыслить, *Logica Artificialis*. Те, кто считают, что «натуральная логика превосходит учительскую» [5, с. 266], ошибаются, поскольку большинство людей

эту способность не только не везде успешно применяют, но «бегают от размышления паче нежели от змеи. И потому им всё ненавистно, что требует размышления» [5, с. 3]. Даже философы (например, Спиноза), которые, казалось бы, должны более других заботиться «об исправном употреблении разума» и которых уж никак нельзя заподозрить в недостатке разума, «принимают без доказательств то, что часто по большей части доказано быть должно» [5, с. 7]. Таким образом, делает вывод Вольф, «остаются одни только математические науки, из которых исправное употребление сил разума видеть можно» [5, с. 7]. Не случайно, кстати, в XVIII веке в Германии к циклу предметов, готовящих к жизни в современном обществе, были добавлены логика и право.

Каково, по Вольфу, взаимоотношение логики с философией и психологией? В обоих сочинениях вначале идёт раздел, называемый Вольфом «Предуведомление о философии». Поскольку философия должна уметь показать для всего возможного основание, «для чего оно быть может», то здесь не обойтись без знания того, как далеко сила нашего разума распространяться может и каково её исправное употребление быть должно. «Оная часть философии,- говорит Вольф, в которой сие показывается, называется логика, или учение разума» [5, с. 6]. Таким образом, логика должна предшествовать всем другим частям философии, должна стать её первой частью, пропедевтикой (в учебниках 18 века логика как часть философии называется также умственной философией, или умословием).

Однако давая правила «исправного употребления разума», логика сталкивается с проблемой обоснования самих этих правил и поэтому, с точки зрения Вольфа, должна заимствовать какие-то принципы из онтологии (первой части метафизики) и психологии. В этом смысле логика должна следовать за ними. Взгляд Вольфа на отношение логики к психологии представляет особый интерес в контексте проблемы обоснования логики и соответственно в контексте антитезы «психологизм – антипсихологизм» [См. на эту тему 12]. Надо заметить, что проблема обоснования логики стала на долгое время одной из основных в трудах российских логиков так называемого гносеологического направления, например, А.И.Введенского.

Искусственную логику как науку, Вольф делит на две части, теоретическую и практическую. Теоретическая логика включает в себя, в

соответствии с тремя выделенными действиями ума, учения о понятии, предложении (имеется в виду суждение) и заключении (умозаключении). Определения, которые даются этим трём действиям ума, достаточно близки к принятым в современных учебниках по традиционной логике, что только лишний раз подчёркивает роль Вольфа в истории логики. Здесь кстати заметить, что эта роль явно недооценивается в отечественной литературе как по истории логики, так и посвящённой непосредственно Христиану Вольфу (правда, справедливость требует сказать, что и та, и другая крайне немногочисленна).

Каждую тему Вольф излагает подробнейшим образом, тут же приводя множество примеров. В Главе I «О понятии вещей» [5] Вольф различает ясные и тёмные, раздельные и смешанные, абстрактные и конкретные, общие и единичные понятия. Аналогичное деление он распространяет и на термины, обозначающие понятия соответствующего вида. По сути дела, Вольф излагает в этой главе достаточно полную теорию определений, включающую и их классификацию, и анализ правил и ошибок. Так, говоря о явственных и неявственных понятиях (параграф 13), он имеет в виду, как ясно из приводимых примеров, различие явных и неявных определений.

Особый интерес, на мой взгляд, представляет Глава II «Об употреблении слов» [5]. Выражаясь современным языком, здесь представлены и референциальный, и коммуникативный аспекты функционирования естественного языка. Хотелось бы специально отметить, что логика Вольфа не столь «бессубъектна», как это обычно представляют себе современные формальные логики. Например, параграф 2 называется «Когда две персоны одна другую понимают», параграф 15 – «Из чего ссоры слов происходят», в них исследуются, как бы мы сказали сегодня, логико-лингвистические условия успешной коммуникации. В Главе IV «О заключениях, и как мы через то истину познаём» [5], посвящённой умозаключениям, Вольф особое внимание уделяет энтимемам, называя их скрытными силлогизмами, что опять-таки свидетельствует о внимании к процессу реального рассуждения человека, поскольку в жизни люди крайне редко используют полные силлогизмы.

Учением об умозаключениях Вольф завершает теоретическую логику и переходит к изложению логики практической. Однако это деление, учитывая

сказанное относительно первой части, мне представляется в некоторой степени условным - в том смысле, что разделы теоретической логики Вольф излагает, погружая их в реальный практический контекст. Вся логика Вольфа является практической и ещё в одном смысле, приобретённом ею именно в эпоху Просвещения: она начинает играть особую “метароль”. Будучи инструментом усовершенствования разума, логика оказывается тем самым и одним из инструментов усовершенствования самого общества. Интересно, что похожую роль, уже в нашем, 20 веке, отводит логике, как известно, К. Поппер, рассматривая её в качестве теории рациональной критики и тем самым - основы рациональной организации общества.

Во второй части своей логики Вольф говорит о практических приложениях логики к различным сферам человеческой деятельности, и здесь вновь можно увидеть явную переключку с Логикой Пор-Рояля. В то же время, практическая логика в том виде, как она представлена у Вольфа, разработана им самостоятельно и представляет собой значительный шаг вперёд в развитии логики в целом. Интересна Глава VII «О науке, вере, мнениях и заблуждениях» [5]. Предметом науки, по Вольфу, может быть только то, что можно доказывать. Мнение же есть то, что не доказано, носит вероятностный характер, и в этом смысле, гипотезу можно рассматривать как вид мнения. Вера означает, что мы принимаем предложение на основании признания в качестве авторитета лица, высказавшего это предложение. Предложения веры могут составлять посылки в умозаключении, при этом заключение также будет предложением веры [5, с. 236]. Заблуждение понимается как согласие с ложным предложением. Специально в XV главе рассматриваются проблемы доказательства, выделяется прямое и косвенное доказательство.

Практическая логика Вольфа занимается даже способами сочинения, обсуждения и чтения книг, специально выделяя Святое писание. Можно утверждать, что Вольф излагает в этом разделе основы религиозной герменевтики. Текст, языковое оформление оказываются, по Вольфу, необходимыми средствами «возбуждения в нас понятий», в том числе и тех понятий, которые «Бог наперёд полагать может» [5, глава 12, параграф 4].

Как пишет М.И.Владиславлев, “Обработка логики Вольфом, очевидно, была почти всесторонняя. ... Вольф своим анализом логических приёмов оказал логике очевидные заслуги, о которых так легкомысленно забыло последующее время [4, с. 146].

Другим не менее влиятельным учебником этого периода был учебник по логике ученика Хр.Вольфа, тоже Христиана, Баумейстера [3]. Структура и содержание его учебника во многом повторяет учебники Вольфа. Надо сказать, что образ логики как «полезной» дисциплины был, видимо, настолько, однозначно принят в научной среде этого времени, что переводчик учебника Баумейстера, студент Московского университета Александр Павлов, в Предисловии пишет, что он не намерен предупреждать читателя о пользе этой книги, полагая, что «всему ученому свету известно, сколь нужна логика...» и «несравненное счастье получит сия моя книга, если она на Российском языке столько принесет пользы., сколько принесла и приносит на Латинском» (см. [3, Предисловие]).

Учебник Баумейстера также состоит из двух частей: Первой, представляющей собой «Предупреждения о философии и ее частях» и собственно логики, состоящей, в свою очередь, из двух частей: «Части первой, теоретической, или о трех ума действиях» и «Части второй, об употреблении логики» (то есть практической логики). В первой части определяется предваряющее место логики по отношению к философии как приуготовляющей разум к ясному и подробному познанию истины вещей, поскольку «Никто философом не может называться, разве тот, который навык или способность имеет доказывать положения» [3, с. 9]. Логика определяется здесь как «Наука, изыскующая правила, по которым ум познает и рассуждает», как Наука, как рассуждать [3, с. 20] . Это логика, учением снисканная (в отличие от логики натуральной как дара умствовать, имеющегося у всех людей). В первой же части разъясняется отношение между натуральной (естественной) логикой и логикой, учением снисканной: вторая «есть только подробное изыскание логики натуральной» [3, с. 20], но в то же время «ученый человек натуральной логикой доволен быть не может» [3, с. 21].

Особый интерес представляет здесь изложение практической логики. В этом разделе Баумейстер подробно рассматривает тему доказательства, трактуя его как «соединение многих умствований, в которых все предложения истинными

полагаются, или доказательство есть подтверждение тезиса на несомненных и известных основаниях укрепленное» [3, с. 151]. Далее подробно рассматриваются виды начал доказательства (аргументов), к которым относятся определения, аксиомы, теоремы и опыты (то, что обычно называется суждениями об удостоверенных фактах). Выделяются прямое и косвенное, аналитическое и синтетическое доказательства, рассматриваются доказательства, в основе которых лежат вероятностные умозаключения. Последняя часть учебника фактически представляет собой описание отношения «аргументатор – адресат аргументации». Так, Глава седьмая называется «О способе, каким образом истину другим предлагать и другим уверять» [3, с. 212], Глава восьмая – «О способе, как опровергать мнения других» [3, с. 218], Глава девятая «О способе, как себя защищать» [3, с. 222], Глава десятая «О способе, как спорить, или прение иметь» [3, с. 224].

Также в учебнике по логике обсуждаются вопросы специфики исторического познания, естественнонаучного, основные принципы интерпретации текстов, проблемы перевода, чтения книг и рассуждения о них с учетом специфики жанра: все писания разделяются на исторические, догматические и смешанные.

Таким образом, даже краткий обзор этих двух учебников, принятых в России 18 века в качестве основных, позволяет составить достаточно определенный образ логики этого времени, который, видимо, был в своих главных чертах одинаковым в восприятии как научного и философского сообщества (конечно, я употребляю данное понятие в нестрогом смысле), так и тех, кто изучал логику. Этот образ представляет логику как необходимую для всех областей человеческой деятельности дисциплину в той мере, в которой эти области полагают для себя важными строгость и доказательность. Соответственно, она в равной степени является и теоретической, и практической. Логика трактуется как наука о рассуждениях и рассматривается как способная воспроизводить правила естественных рассуждений.

Все эти черты можно увидеть и в том образе логики, который вырисовывается в учебниках, написанных в этот период русскими логиками. Это «Детская логика, сочинённая для употребления российского юношества»; «Умословие или умственная философия, написанная в Санкт-Петербургском

горном училище в пользу обучающегося в нём юношества Иваном Рижским»; “Логика и риторика, кратким и для детского возраста удобопонятным образом расположенная» А. Никольского. Так, в «Детской логике ...» изучение логики называется в качестве одного из средств, *препятствующих возвращению* юношества с пути истины и добродетели. (Интересно, что уже в следующем, 19 веке, как уже отмечалось выше, логика рассматривается как «... страшное чудовище, *спокойно подрывающее* у нас алтари и трон ...»). Иван Рижский также сохраняет в своём «Умословии ...» основную структуру и содержание «немецких» логик, тщательно воспроизводит деление логики на теоретическую и практическую, говоря о полезности “исправного разума во всех частях и званиях жизни” [11, с. 9].

Однако далее развитие логики пошло в России по пути отсечения её практической части². Н.Я.Грот в работе с примечательным названием «К вопросу о реформе логики. ...» (1882 г.) отмечает, что “... важнейшей чертой в развитии логики является прогрессивно увеличивающееся преобладание теоретического характера логических исследований над практическими” [7, с. 10], гармония же между теоретической и практической логикой существовала только в школе Вольфа. Общей особенностью развития логики как учебной дисциплины в России, включая и современную ситуацию, является её преимущественно теоретический характер, отсутствие влияния на уровень рациональности отдельного человека и общества в целом, что позволило Чаадаеву в XIX веке написать свои знаменитые строки, а С.С.Аверинцеву в самом конце XX века, что в русской культуре “... встреча с Аристотелем так и не произошла” [1, с. 328], при этом он имеет в виду в первую очередь Аристотеля - “учителя техники мышления”, создателя логики как органа мышления.

Так что идея “всеобщей логической грамотности”, “исправного употребления сил человеческого разума” всеми его обладателями, во всех областях жизни сегодня остаётся для России не менее актуальной, чем в XVIII веке в России и в Германии.

---

² Причины, определившие не востребованность логики в России, не позволившие ей тем самым стать значимым элементом культуры, требуют специального анализа. См., например, об этом дискуссию «Российская логическая культура: особенности, состояние и перспективы» в журнале «Философские науки», 2009, № 4.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., Школа “Языки русской культуры”, 1996.
2. *Арно А., Николь П.* Логика, или искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. М., Наука, 1991.
3. *Баумейстера Христиана* Логика. М., Императорский Московский ун-т, 1760.
4. *Владиславлев М.И.* Логика, обозрение индуктивных и дедуктивных приёмов мышления и исторические очерки логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной. СПб., 1872.
5. *Вольф Хр.* Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной. Переведены в 1753 г. Б.М. СПб., тип. Артиллер. и инж. шляхетного кадетского корпуса, 1765.
6. *Грифцова И.Н.* Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М., Эдиториал УРСС, 1998.
7. *Грот Н.Я.* К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов. Лейпциг, 1882.
8. *Детская логика*, сочинённая для употребления российского юношества. М., 1787.
9. *МакКоли Д.Д.* Логика и словарь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., Прогресс, 1983.
10. *Попова В.С.* Логика в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века (дискуссия А.И. Введенского и Н.О. Лосского). Кандидатская дис., Калининград: КГУ, 2006.
11. *Рижский И.С.* Умословие или умственная философия, написанная в Санкт-Петербургском горном училище в пользу обучающегося в нём юношества Иваном Рижским. СПб, 1790.
12. *Сорина Г.Б.* Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в культуре. М., Прометей, 1993.

13. *Чаадаев П.Я.* Соч., М., Правда, 1989.
14. *Шнем Г.Г.* Соч., М., Правда, 1989.
15. *Bastable Patrick K.* Logic: Depth Grammar of Rationality. A textbook on the science and history of Logic. Univ. College, Dublin, Gill and Macmillan, 1975.
16. *Kneale W., Kneale M.* The Development of Logic. Oxford, Clarendon Press, 1962.
17. *Perelman Ch.* The New Rhetoric and the Humanities. Dordrecht, 1979.

Ирина Николаевна Грифцова, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Московского педагогического государственного университета, grif8111@yandex.ru.

Prof. Irina Griftsova, head of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, grif8111@yandex.ru.